

НЕ ЗНАКО МЕЦ

перевод ЕКАТЕРИНЫ РЯБОВОЙ

КЭЙИТИРО
ХИРАНО

роман

МИОО

Пролог

Того, кто стал прообразом героя этой истории, я всегда с теплом называл Кидо-сан. Суффикс *-сан* добавляют всегда после фамилии, и неважно, относитесь вы с теплом к человеку или нет, но я думаю, вы скоро поймете, что я имею в виду.

Впервые я увидел Кидо-сан в баре, куда заглянул после одного книжного мероприятия, в котором участвовал.

Мне хотелось как-то прийти в себя после непрерывной беседы в два с половиной часа и только потом идти домой, поэтому я зашел бар, который случайно попался мне по пути. Кидо-сан пил в одиночестве за барной стойкой.

Я невольно подслушал его беседу с барменом. В какой-то момент рассмеялся одной из реплик и присоединился к разговору.

Он представился, но, как оказалось впоследствии, все, что он тогда рассказал о себе, включая имя, было ложью. Хотя в тот момент у меня, разумеется, не было причин сомневаться, поэтому я ему поверил.

Он носил очки в прямоугольной черной оправе, его внешность вряд ли можно было назвать очень красивой, но черты лица были выразительными и подходили к атмосфере полутемного бара. Я еще тогда подумал про себя, что с такой внешностью даже в летах, с проседью и морщинами, можно пользоваться успехом у женщин. Когда я сказал ему об этом, он лишь покачал недоверчиво головой и произнес: «Ну что вы, вовсе нет...»

Когда я рассказал, что пишу книги, он со смущением ответил, что никогда обо мне не слышал, что, в свою очередь, заставило смутиться и меня. Хотя в такие ситуации я попадаю нередко.

Но он проявил нескрываемый интерес к моей профессии, задал несколько вопросов, а в конце вдруг с большим чувством произнес: «Прошу меня простить». Не понимая, к чему эти извинения, я нахмурился. И тогда он признался, что представился вымышленным именем, а на самом деле его зовут Акира Кидо. Он попросил сохранить это в секрете от бармена и добавил, что родился в том же 1975 году, что и я, и работает юристом.

Когда-то я тоже учился на юридическом факультете, но был не слишком старательным студентом. А теперь передо мной сидел человек, который сделал юридическое право своей профессией, что заставило меня немного растеряться. Но благодаря его признанию растерянность не переросла в нечто большее. Ведь вымышленная история, которую он рассказал прежде, была довольно грустной — из тех, что вызывают у окружающих чувство жалости.

Я прямо спросил, к чему был этот обман. Ведь это дурно по отношению к окружающим. Он нахмурился и какое-то время, казалось, пытался подобрать слова.

— То, что я живу чужой болью, помогает мне сохранить себя, — сказал он грустно, а затем слегка улыбнулся. — Знаете, есть же такая поговорка: «Отправился на поиски другого и сам потерялся». Вам известно такое чувство, когда благодаря лжи можешь стать честным? Хотя, разумеется, это лишь на краткое мгновение. Это возможно разве что вот в таких местах. Почему-то я все еще привязан к тому человеку, каким являюсь сам. На самом деле мне бы хотелось размышлять только о себе. Но когда я так поступаю, мне становится только хуже. Однако с этим я не могу справиться. Все остальное

в моих силах. Думаю, мне нужно еще немного времени, и тогда необходимость в этом отпадет. Кто бы мог представить, что все так обернется...

Его манера говорить не слишком понятные вещи немного раздражала, но при этом было интересно, что он всем этим решил поделиться именно со мной. К тому же я не мог отбросить нарождающееся чувство симпатии к нему.

— Но вам я расскажу всю правду.

Если исключить начало нашего знакомства и его ложь, Кидо-сан был внимательным, спокойным и приятным человеком. Было видно, что он чувствительный и восприимчивый, а в его высказываниях проглядывал характер большой глубины и сложности.

Я чувствовал себя комфортно в разговоре с ним. Мне было несложно донести до него свои мысли, ведь он хорошо понимал, что я говорю. С таким человеком не каждый день удается встретиться. Тем более мы сошлись и на общей теме — любви к музыке. Поэтому я решил, что необходимость использовать вымышленное имя наверняка была вызвана какими-то серьезными обстоятельствами в его жизни.

В следующий раз, когда я через неделю посетил тот же бар, Кидо-сан, как я и предполагал, вновь оказался там и, как и прежде, пил в одиночестве. Он пригласил меня сесть рядом. В тот раз мы сидели за столиком далеко от бармена. И все следующие наши встречи мы сидели там же, беседа до поздней ночи.

Он всегда пил водку. Несмотря на худощавое телосложение, он умел пить, и, хотя и говорил, что чувствует приятное опьянение, его интонация оставалась спокойной и, сколько бы часов ни проходило, совсем не менялась.

Мы стали довольно близки. У людей средних лет, как ни странно, редко появляется новый приятель, с которым можно душевно выпить за беседой. Однако наши отношения ограничивались этим баром, ни я, ни он никогда не спрашивали друг у друга телефонных номеров. Думаю, он просто стеснялся. А я, честно признаться, относился к нему все еще настороженно.

Мы уже давно с ним не виделись, и вряд ли я когда-нибудь увижу его вновь. То, что он больше не посещает тот бар, иными словами, необходимость для него в этом пропала, я трактую как положительный знак.

Писатели, сознательно они это делают или нет, всегда ищут вокруг себя людей, которые могут послужить прототипами героев их произведений. Мы ждем, что однажды перед нами неожиданно появится кто-то вроде Мерсо из «Постороннего» Камю или Холли Голайтли из «Завтрака у Тиффани».

Подходящая модель, он или она, должна быть необычным человеком и в то же время обладать чем-то таким, что можно назвать типичным для человеческой природы или определенной эпохи; после с помощью художественного вымысла лишнее будет отсечено, останется лишь символ.

Когда я слышу истории людей, проживших драматическую и полную событий жизнь, я думаю, что из этого могла бы выйти книга. Порой рассказчики вскользь намекают на то, что я могу использовать их жизненный опыт как материал для своих трудов.

Но когда я начинаю серьезно думать о произведении с закрученным сюжетом, что-то останавливает меня. Хотя, если бы я мог это написать, мои книги бы наверняка лучше продавались.

Обычно я нахожу героев своих книг среди тех людей, которых давно знаю.

Поскольку я стараюсь как можно меньше общаться с теми, кто меня не интересуется, каждый, с кем я поддерживаю длительные отношения, обладает чем-то особенным. Порой я вдруг неожиданно понимаю, что именно этот человек может стать героем моего следующего романа, являясь тем самым прототипом, которого я так искал.

Возможно, именно люди, на понимание которых я трачу много времени, лучше всего подходят на роль моделей больших романов, ведь их персонажи надолго остаются с читателями.

С нашей второй встречи Кидо-сан постепенно начал рассказывать, почему он использовал вымышленное имя. Это оказалась очень запутанная история. Она затянула меня. Я не понимал, почему он решил рассказать об этом мне, и, в задумчивости скрещивая руки на груди, много размышлял над этим. Конечно же, он не говорил мне, что я могу использовать его историю для сюжета книги, но, возможно, держал это в уме.

Тем не менее решение сделать его моделью пришло ко мне при других обстоятельствах, когда я совершенно случайно встретился с одним адвокатом, который, как оказалось, хорошо знал его.

Когда я стал расспрашивать его о том, какой человек Кидо-сан, тот мне сразу же ответил:

— Просто замечательный. Он очень внимателен ко всем окружающим, ко всем без исключения, даже к таксистам. Если таксист не знает маршрута, он на удивление вежливо и обходительно разьяснит, как нужно ехать.

Я рассмеялся тогда этому замечанию, но согласился, ведь в наше время у человека с достатком подобное качество не часто встретишь.

Другие истории, рассказанные моим знакомым о Кидо-сан, тоже показались мне неожиданными, включая несколько впечатляющих эпизодов, о которых сам Кидо-сан никогда не упоминал. И наконец я увидел перед собой его объемную фигуру — человека средних лет, моего ровесника, грустного и одинокого. Я использую здесь несколько банальное выражение, но я увидел в нем настоящего героя романа.

Когда я писал этот роман, я беседовал со своим приятелем-адвокатом и другими людьми, собирая материал, который Кидо-сан из соображений конфиденциальности держал в секрете, развил сюжетную линию и превратил историю в художественное произведение. Думаю, из чувства профессионального долга Кидо-сан никогда и никому не раскрывал полученную информацию, но я следовал замыслу романа.

На страницах книги появляется много персонажей, довольно причудливых. Может, кого-то из читателей удивит, почему на роль главного героя я не выбрал одного из них.

Кидо-сан действительно станет одержимым жизнью одного неизвестного мужчины. И мне показалось, что внимание стоит сосредоточить именно на Кидо, который преследовал того человека.

У Рене Магритта есть картина «Запрещенная репродукция» с изображением человека, стоящего перед зеркалом, в котором его отражение также показано со спины. История в моей книге чем-то похожа на эту картину. Кто-то из читателей, возможно, посчитает главным героем самого автора, который преследует Кидо-сан.

Кто-то, прочитав «Пролог», также может усомниться, что человек, с которым я встречался в баре, и правда Кидо-сан. Это вполне понятно, но лично я верю, что он тот, за кого себя выдает.

Казалось бы, естественно начать рассказ с него, но прежде я хотел бы написать о женщине по имени Риэ, потому что именно в тех очень странных и трагических испытаниях, которые ей пришлось пережить, кроется исходная точка этой истории.